
ПРЕДИСЛОВИЕ

«Ну это уж совсем Кашенко!» — говорят, встречаясь в жизни с чьим-то явно неадекватным поведением. Обычная фамилия волею судеб стала синонимом слова «психбольница». Сегодня она звучит достаточно нейтрально, но при советской власти, особенно во второй половине XX века словосочетание «упекут в Кашенко» представляло ощутимую угрозу — тогда в психушках не только лечили, но и боролись с инакомыслием. А если даже речь шла о лечении, все равно за нарицательной фамилией Кашенко стояло много страшного. Прежде всего, превращение человека в «овощ», а также подавление его воли всеми возможными способами, начиная со смиренных рубашек и заточения в мрачные палаты с зарешеченными окнами и заканчивая лошадиными дозами транквилизаторов, электрошоков и кульминацией насилия над личностью — лоботомией, описанной в знаменитом романе Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

К слову сказать, в СССР лоботомией больше пугали друг друга в кухонных разговорах, чем применяли в реальности. Еще в 1950 году от нее официально рекомендовали воздержаться, как от «метода, противоречащего основным принципам хирургического лечения И. П. Павлова». Но и без лоботомии фамилия Кашенко долгое время вызывала ассоциации скорее с насилием и позорным клеймом, чем с медицинской помощью. В самом конце XX века миф о Кашенко породил причудливое явление под названием «кашенизм». Так назывался стиль сетевого троллинга, возникший на заре соцсетей и явно имеющий в анамнезе советское диссидентство. Он отличался нарочито провокационными высказываниями, порой откровенно психопатическими, порой черномористическими или агрес-

сивно-мещанскими. Все это проходило в рамках того же образа «Кашенко» — главной «дурки» огромного постсоветского пространства.

При этом про самого носителя фамилии очень мало знают. Даже его имя-отчество — Петр Петрович — абсолютно не на слуху. Кашенко — и всё. Звучит похоже на Кашея, что наверняка тоже сыграло некоторую роль в формировании ассоциативного ряда. В свете всего вышесказанного главный психиатр молодой Советской республики (Кашенко умер в 1920 году) представляется таким «комиссаром в пыльном шлеме», героем-основателем карательной психиатрии.

Некий героизм в его личности несомненно присутствует. Кашенко, как и многие русские интеллигенты его времени, занимался революционной деятельностью, что само по себе связано с большим риском. Свой революционный порыв он в полной мере распространял и на психиатрию. Он яростно боролся, но не с психическими больными, а с общественным мнением, которое в то время предполагало очень жестокое и несправедливое отношение к таким людям. На них в XIX веке смотрели практически как на животных, причем довольно опасных, а потому нуждающихся в надежных клетках.

Кашенко же искренне сочувствовал своим больным. Больше того, он считал, что многие психические болезни можно если не излечить, то хотя бы облегчить их течение, если не угнетать больных, а, наоборот, сделать их жизнь полноценной и гармоничной. «Врач должен смотреть на смирительную рубашку как на страшилище, а на себя, если применяет ее, как на палача» — так любил повторять человек, ассоциирующийся у нескольких поколений как раз с этой страшной рубашкой.

Под его руководством на базе Нижегородской больницы возникла так называемая «колония Ляхово», где страдающие психическими заболеваниями работали в теплицах и небольших ремесленных мастерских. Сразу вспоминается трудотерапия, превозносимая в СССР, — но Кашенко вовсе не считал ее панацеей, а всего лишь одним из методов лечения и социализации больных. Были и другие методы: его стараниями для пациентов психиатрической больницы устраивались театральные постановки, литературные салоны. Больные собирались на дружеские чаепития за большим столом, а сотрудники больницы развлекали их игрой на балалайках и других музыкальных инструментах. При-

чем руководил этим стихийным оркестром и писал для него аранжировки все тот же Кащенко!

Да, главный советский психиатр не только любил музыку, но и сам был музыкантом, причем достаточно талантливым. После него даже осталось небольшое композиторское наследие. А как же научные труды по профессии? Они тоже имеются, но немного не в том виде, какого можно ожидать у такой известной личности. Петр Петрович написал, пожалуй, гораздо больше отчетов, статистических документов и практических соображений, чем собственно научных трудов по психиатрии. Конечно же, у него имеются статьи по основной профессии, но самая объемная из его работ скорее напоминает кулинарную книгу, чем исследование психических отклонений. Ее развернутое название говорит само за себя: «Здоровый стол: Руководство к приготовлению кушаний и диететики при здоровом и болезном состояниях. С описанием пищевых средств, их происхождения, состава, признаков, доброкачественности, способов подделки и кратким очерком физиологии питания».

После перечисления этих фактов прославленный психиатр Кащенко может показаться чуть ли не шарлатаном — тем более в сочетании со своей карьерой революционера. Ведь известно, что после 1917 года руководящие посты практически во всех областях заняли большевики и сочувствующие им. В поддержку этой версии можно вспомнить и переименование в 1994 году самого знаменитого заведения, связанного с Кащенко, — Московской психиатрической клинической больницы № 1. Тогда даже появилась шутка: «Знаешь, какая у Кащенко фамилия на самом деле? Алексеев!» Больницу действительно нарекли именем ее основателя, городского головы Н. А. Алексеева, который вложил в нее свою жизнь в буквальном смысле. Градоначальник стал жертвой душевнобольного, проникшего к нему в кабинет с револьвером, завернутым в бумагу. Мучительно умирая от ранения в живот, Алексеев нашел в себе силы не только простить своего убийцу, но и завещать 300 тысяч рублей на содержание будущей психбольницы.

Кащенко «разжаловали» в рамках декоммунизации и в числе многих политических деятелей советской эпохи, хотя отношение к Московской больнице он имел вовсе не политическое. Он три года занимал в ней пост главного врача, причем задолго до революции, с 1904 по 1907 год. И все это время старался облегчить жизнь как пациентов, так и вра-

чей, претворяя в жизнь принцип «нестеснения» и налаживая свою любимую музыкальную самодеятельность.

Все вышесказанное делает образ нашего героя довольно положительным, даже симпатичным, но вот ощущения высокого профессионального уровня от этих фактов не возникает. Главный советский психиатр предстает этаким «народным академиком» от сохи, лечившим психические заболевания здоровой пищей и балалаечными оркестрами. Может быть, даже попавшим в психиатрию случайно. Так ли это?

Конечно же нет. Петр Петрович получил фундаментальное образование в своей профессии. Среди его учителей иногда называют ученого, основоположника рефлексологии В. М. Бехтерева, родоначальника династии, к которой принадлежит наша популярная современница, нейрофизиолог Наталия Бехтерева. Это как раз миф, вызванный лишь тем, что Бехтерев преподавал в Казани, где наш герой получил медицинский диплом. Но учился Кашенко все равно у выдающихся русских психиатров. Выбор им специализации тоже выглядит очень осознанным. Он, как уже говорилось, имел ярко выраженные гуманистические убеждения, а из всех возможных пациентов именно душевнобольные в то время представляли собой самую бесправную и ущемленную категорию. Тема душевных болезней волновала не только нашего героя, но и его близких. Родной брат Петра Петровича Всеволод остался в истории психиатрии как выдающийся дефектолог, организовавший одну из первых в России школ-интернатов для детей с интеллектуальной недостаточностью и трудностями поведения.

Братья-психиатры происходили из медицинской семьи. Их отец, выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, служил военным врачом. Он рано умер, и нашему герою, как старшему сыну, пришлось с 16 лет заботиться о младших, которых вместе с ним у родителей было семеро. Семья Кашенко была вполне интеллигентной и притом весьма религиозной. Сам Петр Петрович был знаком со многими деятелями культуры, встречался с И. С. Тургеневым и А. М. Горьким. А его мать, Александра Павловна Черникова, вырастив детей, ушла в монастырь и приняла постриг в святом городе Иерусалиме.

Так что не получается из советского психиатра Кашенко ни садиста, размахивающего смиренной рубашкой, ни прожженного партийного функционера, ни полуграмотного шута от медицины. Да и советского-то психиатра

не получается. Он ведь умер почти сразу после революции, и вся его жизнь, богатая достижениями, прошла в царской России.

А что тогда получается? То, что мы, даже задумываясь о личности Кащенко, видим не его, а некий туманный миф, созданный уже после его смерти по мотивам его революционной деятельности. Этот миф прославил Петра Петровича, но также и навредил ему в посткоммунистическую эпоху. И, как часто бывает, за мифом теряется реальная фигура, ставшая его прообразом. В этой книге мы попытаемся проследить путь настоящего доктора Кащенко в контексте истории психиатрии, а также исторической ситуации последних десятилетий существования Российской империи.

Глава первая
МЯТЕЖНЫЙ ДУХ

Каждый человек индивидуален и многогранен. Это — целый мир, причем порой кардинально меняющийся в течение жизни. Биография личности сама по себе похожа на роман или киносценарий с бэкграундом, параллельными сюжетными линиями и своей неповторимой системой образов и символов. И как любой сценарий, ее можно выразить с помощью логлайна — так в современной киноиндустрии называют максимально короткий пересказ длинного и развернутого сюжета. По мнению крупных американских продюсеров, в хорошем логлайне должно быть не более 25 слов, но зато каких! После прочтения этого крошечного абзаца в голове читателя должно остаться четкое понимание того, «о чем история».

Если попытаться создать логлайн жизни и характера Петра Кашенко, то получится примерно так: студент-медик, отчисленный из университета за неоявление официальной скорби по убиенному государю, уходит в учителя пения. Параллельно помогает революционерам. Ему удается продолжить образование; став профессиональным психиатром, он посвящает жизнь борьбе за права умалишенных и пытается улучшить их жизнь, в том числе с помощью музыки.

Музыка и революция — немного странное сочетание для выдающегося врача. Куда привычнее видеть служаку медицины скрупулезным исследователем, самоотверженным борцом или хотя бы неисправимым циником, но никак не бунтарем-революционером, пишущим партитуры для балалаечных оркестров.

Можно, конечно, просто сказать: «Вот такой он был нестандартный». Но многие необычные и на первый взгляд необъяснимые модели поведения логично вытекают из ка-

ких-то обстоятельств жизни человека или из традиций его семьи. Если бы историку задали вопрос: какое сословие в царской России отличалось повышенным свободолобием, а также имело собственные богатые музыкальные традиции, ответ был бы быстрым и однозначным. Конечно же, казачество. До сих пор на слуху словосочетание «казачья вольница», а песни казаков составляют важнейшую часть русского музыкального фольклора. К тому же казаки традиционно позиционировали себя защитниками справедливости. Все это полностью совпадает с событиями жизни и менталитетом Кашенко. Разумеется, не случайно: он имел к казачеству самое прямое отношение. Его отец Петр Федорович был потомственным казаком, а наш герой вырос в одной из самых «казачьих» областей Российской империи, на Кубани, а точнее — в городе Ейске. Там он провел детство, впитывая демократические взгляды отца и окружающий дух вольности. А еще с раннего детства пел и играл на народных музыкальных инструментах.

Семья достаточно сильно влияет на формирование личности человека, но немаловажно и окружение, то, что раньше школьные учителя называли «улицей». И эта кубанская «улица», воспитавшая Кашенко, конечно же, сильно отличалась от аналогичного социального пространства Москвы, Санкт-Петербурга и других российских городов и сел, где казаки никогда не жили.

Казачество — явление по-своему уникальное. Это не этнос, не сословие (хотя такое наименование тоже встречается), не религиозная община. Даже сами казаки все 500 лет своей истории отвечали на этот вопрос по-разному — в зависимости от политической обстановки. Дискуссия об идентификации казачества обостряется каждый раз, когда в его истории случается очередной перелом. Ученые-этнологи определяют казаков как специфическую этносоциальную общность, сформировавшуюся в рамках особого служилого сословия. Само слово «казак» произошло от тюркского корня, обозначающего свободного, вольного человека. Эта версия в настоящее время считается основной, хотя не единственной. К общему мнению в этом вопросе исследователи так и не пришли. По версии некоторых лингвистов «казак» — пересмысленный вариант латинского слова *casa* (дом, хижина, лачуга) или его французского аналога *case*. Интересно, что вопрос казачьего этногенеза интересовал ученых уже с XVII века. Например, польский историк и поэт Иероним Веспасиан Коховский

считал, что казаками (или козаками) именовались «люди, которые верхом на лошадях были быстры и легки, как козы». Есть еще версия, что «казак» — это два старомонгольских слова, «ко» — «броня» и «закх» — «рубеж».

Спорят и о том, когда этот термин перешел в другие языки и стал обозначением определенного сообщества. Первое упоминание «казак» в значении «стражник» встречается в словаре одного из половецких наречий начала XIV века. Единственный сохранившийся список этого письменного памятника хранится в библиотеке собора Святого Марка в Венеции. При этом сами казаки, скорее всего, появились значительно раньше. Возможно, именно их встретил в 1253 году на Дону посол французского короля Людовика IX Гийом де Рубрук, который направлялся к монголам с дипломатической миссией. В его сочинении «Путешествие в восточные страны» есть такие строки: «Итак, мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины достигли большой реки Танаида*, которая отделяет Азию от Европы, как река Египта Азию от Африки. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах** приказали устроить на восточном берегу поселок (*casale*) русских, которые перевозят на лодках послов и купцов». Далее средневековый дипломат описывает непокорный нрав жителей этого поселка, привыкших жить по своим понятиям.

Некие «вольные» люди, обитающие неподалеку от крупных рек Южной Руси, были известны достаточно давно. Но первое упоминание о них в русскоязычных источниках относится к XVI веку. В грамоте, датированной 1550 годом, ногайский князь Юсуф пишет Ивану Грозному: «Холопи твои, нехто Сарыязман словет, на Дону в трех и в четырех местах города поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад, стерегут, да забирают, иных до смерти бьют... Этого же году люди наши, исторговав в Руси, назад шли, и на Воронеже твои люди — Сары азманом зовут — разбойник твой пришел и взял их». Явно тюркское имя предводителя казаков, означающее, по одной из версий, «рыжий удалец», показывает, что среди казаков изначально были представители разных народов и вер, объединенные тягой к вольной жизни.

* Танаид или Танаис — античное название Дона. (Прим. авт.)

** Имена монгольских князей.

На вопрос, откуда появились казаки, у науки есть только догадки, причем две основные теории дают на этот счет противоположные ответы. Согласно первой, казаки — потомки людей, веками бежавших на южные и восточные окраины России из центральных областей, и присоединившихся к ним инородцев, от калмыков до поляков и немцев. Другая теория, которую не разделяют большинство академических историков, возводит казаков к коренному населению степей Южной Руси. Сторонники этой теории предками казаков называли кавказцев (черкесов), тюрков-половцев, скифов, а также смешанные этнические группы. Адольф Гитлер даже писал, что казаки происходят от германского племени — остготов.

Современные историки объясняют, что в вопросе происхождения казаков произошла лингвистическая и историческая путаница. Когда в конце XIV века Золотая Орда была разгромлена Тамерланом и распалась на несколько ханств, многие тюркские роды перешли к бродячему образу жизни; такие «бродяги», жившие грабежом и наемничеством, и назывались у тюрков казаками. На Руси их именовали «татаровя ордынские казаки». Потом это название «бродяг» было заимствовано соседними народами. Согласно Николаю Карамзину, в 1444 году в Рязани столкнулись татарские мечерские казаки царевича Мустафы с русскими рязанскими казаками (это, возможно, первое упоминание «неордынских» казаков на Руси). Для властей Московского княжества разница между «ордынскими» и «русскими» казаками сначала была небольшой: и те и другие могли быть как союзниками Москвы, так и ее врагами. У «русских» было лишь одно преимущество — они были православными.

В XXI веке была предпринята попытка проверить теории историков об этнических корнях казаков новыми методами. Представители новой науки — геногеографии — в 2016 году исследовали популяции потомков донских и запорожских казаков. Выяснилось, что генофонд казачества (по Y-хромосоме, то есть «мужской линии») очень похож на генофонд русских, украинцев и белорусов. Он сложился в основном за счет миграции из южных и центральных областей России, делают вывод исследователи. Обнаружено лишь небольшое влияние тюрков-ногайцев, а с «коренными» народами Северного Кавказа — теми же адыгами (черкесами) — совпадений почти нет. К генотипам кавказских народов оказалась близка только небольшая часть генотипов терских казаков, столетиями живших на Кавказе.

Но все же принадлежность к казачеству определяется не по этническому принципу. Скорее, это ментальная общность, не до конца поддающаяся рациональному объяснению. Вероятно, здесь имеет место многовековой отбор, когда люди определенного характера уходили от жизни размеренной и подконтрольной на вольные хлеба, подальше от любого начальства. Потом у них появлялись дети, которые с рождения воспитывались в традициях вольницы; от поколения к поколению чувство свободы укреплялось, становясь своего рода идентификационным кодом казака. Это ни в коем случае не означало вседозволенности — казачество держалось на строгих кодексах чести и верности. Достаточно вспомнить основные сюжетные перипетии хрестоматийного романа Михаила Шолохова «Тихий Дон». Одним из первых фактов биографии Аксиньи автор делает ее изнасилование в семнадцать лет пятидесятилетним отцом. Расправа была мгновенной: старший брат «ударил окованным барком старика в переносицу. Вдвоем с матерью били его часа полтора». При этом никогда дела семейные не становились общественным достоянием — «людям сказали, что пьяный упал с арбы и убился». Порочная связь Григория Мелехова с замужней Аксиньей была несовместима с репутацией честного хозяина дома и отца Григория Пантелеева Мелехова, чья ответная реакция не заставила себя ждать: «Женить сукиного сына!.. Женю!.. Завтра же поеду сватать! Дожил, что сыном в глаза смеются!»

К тому же свобода нуждается в защите от посягательств и казаки всегда оставались в первую очередь воинами. При этом они никогда не выглядели агрессивными, их гостеприимство могло бы поспорить с кавказским, которое они переняли у своих южных соседей. Также в казачьих станицах царил культ родителей и просто старших, а к женщине относились с особым уважением, правда, требуя от нее безупречной нравственности.

Самоопределению казаков сильно помогали внешние условия, а именно — поддержка государства, которое строило отношения с казаками по принципу военно-ленной системы. Если говорить попросту, государство давало казачьим семьям землю за бессрочную воинскую службу. Эти войсковые земли постепенно превращались в станицы, объединявшие сразу несколько казачьих сел. Само слово «станция» пришло из воинской лексики, оно обозначало остановку войска в пути для отдыха, временного пребывания, бивак или лагерь.

Но не только материальные ценности объединяли казаков. Важнейшим и непреложным пунктом самоидентификации казака была религия. Казачья община пополнялась не только с рождением детей — в нее вливались пришедшие со стороны, например, беглые крестьяне. Не всегда пришельцы являлись славянами, это могли быть и представители соседних тюркских народов, но от всех требовалось полное и безоговорочное принятие православия. Таким образом, некоторой этнической пестроте противостоял монолит духовности, объединяющей людей и дающей им смысл существования. Ради этого высшего смысла совершались подвиги, а удивительная сплоченность и взаимовыручка превращали общину в настоящее братство.

Все это вместе напоминает, хотя и с некоторыми поправками, западноевропейское рыцарство в его романтическом образе. У Гоголя в повести «Тарас Бульба» есть место, где он открыто проводит эту параллель: «Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую!»

Поэтому неудивительно, что казаки так привлекали мастеров русской словесности. В нашей литературе казачеству посвящено немало ярких страниц. Об этом уникальном сообществе писали Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гоголь, многие другие выдающиеся писатели. Часто, начиная описывать внешнюю яркость казачества, литераторы увлекались и начинали исследовать эту тему с научной точки зрения, как, например, Пушкин, намеревавшийся посвятить донским казакам научную работу. Знаменитое Лукоморье с дубом зеленым поэт увидел в своем воображении, путешествуя по берегам Дона.

Яркая самобытная культура казаков интересна не только русским или русскоязычным. Казачье хоровое пение востребовано у европейской публики уже не первое столетие. А уже упомянутый Михаил Шолохов получил Нобелевскую премию по литературе «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время».

Один из самых красивых и впечатляющих текстов о зарождении казацкого менталитета в Запорожье создан Николаем Васильевичем Гоголем в уже упоминавшейся повести «Тарас Бульба»: «...когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла

неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозки, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: “Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак” (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. <...> В случае войны и общего движенья в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, — и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозки, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, — все это было ему по плечу».

Лев Николаевич Толстой рисует портрет казачества без романтической восторженности, в его рассказе «Кзаки» ярко и точно отображены характерные бытовые штрихи из жизни терских казаков: «Этот христианский народец, закинутый в уголок земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считает себя на высокой степени развития и признает человеком только одного казака; на все же остальное смотрит с презрением. Козак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле. Он почти никогда не работает дома. Пребывание его в станице есть исключение из правила — праздник, и тогда он *гуляет*. Вино у казаков у всех свое, и пьянство есть не столько общая всем склонность, сколько обряд, неисполнение которого сочлось бы за отступничество. На женщину козак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости и до глубокой старости работать

для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения большее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту».

Кубанское казачество, к которому принадлежало семейство Кашенко, выделилось в самостоятельную ветвь несколько позднее. Его официальная история начинается с 1792 года, после того как 30 июня (или 11 июля по новому стилю) казаки-черноморцы получили от Екатерины II жалованную грамоту на владение Таманью и частью кубанских земель. Этот документ не являлся наградой за воинскую службу, а был ответом на прошение казаков и в большой степени вынужденным решением императрицы.

Здесь мы вплотную подходим к весьма логичному объяснению мятежного характера нашего героя и его, мягко говоря, прохладного отношения к царскому правительству. Дело в том, что при всех взаимных выгодах отношения казачества с государством вовсе нельзя назвать безоблачными. Это вполне объяснимо. Слишком самостоятельные образования, да еще и на отдаленных территориях, всегда вызывают беспокойство правителей. Это своего рода спящий вулкан, готовый извергнуться в любой момент, что время от времени и случалось.

Один из крупных эксцессов произошел как раз в правление Екатерины II. После многочисленных побед над турками Россия получила выход к Черному морю. Стало спокойнее и на западе: Речь Посполитая утратила свое влияние. Огромное войско казаков Запорожья, которое долгое время давало отпор врагам на границах, стало практически ненужным. Конечно же, это нарушило многолетнее равновесие, казаки занялись погромами и грабежами (в частности, нападали на сербских поселенцев) и начали представлять проблему для правительства. Когда же они поддержали Пугачевское восстание, императрица приказала разрушить Запорожскую Сечь. После этого около пятисот казаков бежали в устье Дуная и создали там Задунайскую Сечь под протекторатом турецкого султана. Османская империя, неожиданно получив в свое распоряжение такие значимые силы, снова начала грозить России войной, и процесс ликвидации запорожского казачества срочно приостановили. Григорий Потемкин сформировал из его остатков «Войско верных запорожцев» численностью 600 человек.

Войны с Турцией в итоге избежать не удалось, она длилась пять лет (1787—1792) и для многих людей оказалась по сути гражданской — ведь с обеих сторон бились казаки, причем из одной и той же местности. Победа досталась России, и после заключения мира верных ей запорожцев решили наградить землями, полученными в результате этой войны, после чего переименовали их в Черноморское казачье войско. Запорожцы посчитали милости правительства недостаточными, и в 1792 году их войсковой судья Антон Головатый поехал к Екатерине II с прошением о предоставлении казакам новых земель в районе Тамани и ее окрестностей. Переговоры шли непросто, Головатому сказали, что «земли много требуете», но войсковой судья оказался талантливым дипломатом и хорошим психологом. Зная любовь Екатерины к просвещению, он на аудиенции говорил с императрицей на латыни и сумел очаровать ее. А потом и убедить во всеобщей пользе такого решения.

В итоге императрица пожаловала черноморским казакам земли на Кубани «в вечное и потомственное владение», и уже через год они начали переселение, открыв новую страницу истории казачества. Вот только писалась она не с чистого листа: дело в том, что на Кубани уже проживало большое количество казаков, бежавших туда после предыдущего крупного конфликта с правительством. Речь идет о Булавинском восстании донских казаков, произошедшем при Петре I (1707—1708). Спускowym крючком тогда стала царская облава на беглых крестьян, издавна привыкших искать убежище на Дону. Это было прямым нарушением устоев — веками люди почитали за истину то, что «с Дона выдачи нет».

Мятеж вспыхнул, как сухое поле в жару. Под началом Кондратия Булавина собралось до 20 тысяч повстанцев. Против них выслали два полка из Москвы, 400 воронежских драгун от гетмана Мазепы и еще украинское войско «со всею бригадою слободских казаков из Ахтырского и Сумского полков». Восстание жестоко подавили, сам Булавин погиб (по другой версии — совершил самоубийство), но большая часть мятежников с новым лидером Игнатом Некрасовым успела бежать на Кубань, принадлежащую в то время крымским ханам. Некрасов стал родоначальником особой ветви казачества, называемой «некрасовцами» или «игнат-казаками». Также их называли «черные игнаты» за кафтаны черного цвета.

Заручившись поддержкой крымского хана, Некрасов

создал государство в государстве, своего рода казачью республику, для которой он лично разработал свод законов, так называемые «Заветы Игната», которые сильно отличались от законов и обычаев, бытовавших в Российской империи. Начнем с того, что Некрасов требовал придерживаться старой веры, не признавая ни никонианского, ни греческого духовенства. Старообрядческие священники тоже не являлись для него авторитетом: он предписывал им во всем подчиняться Кругу — высшему органу казачьего самоуправления. Неподчинение каралось обвинением в ереси и изгнанием. При этом религия имела для некрасовцев колоссальное значение. За богохульство в любых проявлениях полагалась смертная казнь, но только по отношению к дееспособным людям — безумных за это никак не наказывали. Некрасовцы уже тогда, в XVIII веке, боролись с домашним насилием, защищая права женщин. Если муж обижал жену, Круг его наказывал, порой очень жестоко. За насилие могли запороть насмерть. По женской жалобе священника могли принудить развести пару, но если сама женщина изменила мужу, ее закапывали в землю заживо. За мужскую супружескую неверность полагалось 100 плетей, что тоже почти всегда оканчивалось смертью.

Важным пунктом «Заветов» было негативное отношение к царской власти, но не к России: «Царизму не покоряться. При царях в Россию не возвращаться». И в то же время — «на войне с Расеей в своих не стрелять, а палить через головы. Против крови не ходить». И очень важное для всех казаков: «Стоять за малых людей».

Бежав на Кубань, «черные игнаты» поначалу осели в ее средней части. Сейчас на месте их первого поселения находится станица Некрасовская. Позднее большинство из них вместе с Игнатом Некрасовым переселилось на Таманский полуостров. Там «игнат-казаки» основали три небольших городка — Блудиловский, Голубинский и Чирянский, откуда они совершали набеги на приграничные русские земли. После смерти Некрасова в 1737 году поведение их стало более мирным, и царствующая в тот момент Анна Иоанновна предложила им вернуться на родину. Получив отказ, она направила на Кубань войска, и некрасовцы начали спешно переселяться в турецкие владения.

Считается, что последние кубанские «игнат-казаки» ушли в турецкую Бессарабию в 1791 году после взятия Анапы русским отрядом генерала И. В. Гудовича, но память о них сохранялась в тех краях еще очень долго, как и о их

строгих законах, передаваемых из уст в уста. Скорее всего, ушли тогда не все, выросшие в этой традиции, ведь из общины время от времени изгоняли кого-нибудь. Да и на переезд в Турцию тоже, возможно, решились не все, а кто-то тихо остался жить на прежнем месте, не афишируя свои взгляды.

Так или иначе, жесткие, даже жестокие, но основанные на достоинстве и уважении правила «черных игнатов» были хорошо известны в южных краях и из-за сходства менталитета вряд ли вызывали отторжение у остальных казаков — за исключением, конечно, сотрудничества с турками. Во многих пунктах разные ветви казачества сходятся, особенно в любви к той самой «вольнице», ради которой люди когда-то бежали на берега Дона.

И, конечно же, человек, выросший в казацкой среде, будет всю жизнь нести на себе ее отпечаток и мерить происходящее по понятиям, заложенным в детстве. Именно по этой причине студент медицинского факультета Петр Кашенко отказался проявлять скорбь по убиенному государю и скидываться вместе с другими студентами на траурный венок, хотя понимал последствия своего поступка. Неудивительно и его тяга к музыке — в казацких селениях ею занимались охотно, можно сказать, даже страстно. Иначе бы в суровых «Заветах Игната» не появилось такого запрещающего пункта: «В посты песен мирских не петь. Можно лишь старины». Из одной этой строчки можно сделать вывод, что пели казаки практически всегда.

Глава вторая
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Уже говорилось, что Кашенко пришлось немало потрудиться, чтобы заставить тогдашнее общество относиться к пациентам психбольниц гуманно и хотя бы с элементарным уважением. Неудивительно, ведь очень нелегко разрушать стереотипы и бороться с предрассудками, существующими не одно столетие. Но отношение к душевнобольным далеко не всегда и не везде было негативным. Оно менялось со сменой эпох, и это очень показательно. Ведь именно то, как воспринимает общество отклонение от нормы и что оно считает собственно нормой, лучше всего выражает философскую парадигму самого общества.

Сегодня, когда в открытом доступе находится огромное количество информации, можно проследить, как относились к сумасшедшим в разные эпохи и в разных странах. Конечно, первобытные времена не оставили нам источников на эту тему. Но зато антропологи наблюдают аналогичные ситуации у современных племен, живущих на первобытной ступени развития, таких как некоторые народы Океании. Там сумасшествие вызывает определенное уважение, что очень логично. Наша реальность ограничена законами физики и других наук. Тем из нас, кто имеет религиозное мировоззрение, доступна вера в чудо как в экстраординарную возможность нарушения этих законов. А теперь представим мир племенной общины, живущей на острове и имеющей о цивилизации смутное представление. Таких общин осталось крайне мало, но они все же существуют. Есть даже термин, обозначающий их статус: неконтактные народы. К ним относятся сентинельцы, проживающие на Северном Сентинельском острове Андаманского архипелага в Индии, племя тьит во вьетнамской провинции Куангбинь, случайно обнаруженное американцами в

период вьетнамской войны, около 44 племен, населяющих территорию Новой Гвинеи, некоторые племенные группы индейского народа айорео, проживающего в Парагвае, и ряд других. Ученые спорят о их дальнейшей судьбе: стоит ли продолжать попытки интегрировать их в цивилизационный процесс? Или наш долг уважать их право на свой путь и оставить в покое?

Совсем недавно «первобытных» племен было гораздо больше, но в процессе общения с исследователями они вошли в контакт с цивилизацией и для многих это закончилось печально. Например, племя джарава с Андамских островов, чей жизненный уклад стал в 1990-х туристической достопримечательностью, вымерло почти полностью. Туристы принесли джарава не только заработок, но и болезни, против которых у этого народа не было иммунитета, а также наркоманию и прочие «блага» цивилизации. Некоторым утешением здесь может служить, что, открыв затерянный мир первобытных народов, антропологи получили возможность перенестись на десятки, а возможно, и сотни тысяч лет назад и наблюдать человеческое общество на заре существования. В том числе понять отношение к сумасшедшим в доисторическую эпоху.

Древних людей окружала одушевленная неизвестность. Каждое явление природы имело свой сложный характер, каждое значимое событие объяснялось сверхъестественными причинами. В рамках такого мировоззрения обычная бытовая жизнь являлась лишь верхушкой айсберга по сравнению с невидимым и непостижимым миром духов. Психические больные с их галлюцинациями и несуществующими собеседниками автоматически становились жителями сразу двух миров. Никому не приходило в голову считать их ущербными — наоборот, их болезнь воспринималась как великий дар.

Где-то на грани привычной нам психической нормы находится и культ шаманов у коренных народов Севера. Обычному клиническому психиатру будет непросто найти различия между шаманской одаренностью и психическим заболеванием. По словам религиоведа Мирчи Элиаде, «безумие будущих шаманов, их психический хаос означает, что данный профанный человек идет по пути исчезновения и что новая личность вот-вот родится». Ученый ссылается на представления якутов, согласно которым будущий шаман еще в юности «становится неистовым». Это выражается в обмороках, припадках, видениях. Подросток мо-

жет, например, надолго уйти в лес или наносить себе удары ножом. Обычные родители в такой ситуации бьют тревогу, а якуты, придерживающиеся традиционных верований, трактуют происходящее как ритуальную смерть, важную инициацию, предшествующую перерождению.

Подобное отношение к психическим отклонениям вообще очень характерно для первобытных культур. Русский психиатр Юрий Каннабих в своей работе «История психиатрии» пишет: «Надо думать, доисторическое население земного шара обращалось со своими душевнобольными приблизительно так же, как современные жители тропической Океании или сибирских тундр: агрессивные и опасные больные считались одержимыми злым духом, безобидные и тихие — почитались иногда любимцами богов; первые гнали и порой избивали, за вторыми ухаживали».

С развитием цивилизации отношение к психическим заболеваниям менялось. Упоминания о сумасшедших есть в текстах древнеегипетской медицины — правда, этому недугу не посвящено ни одной книги, ни одного раздела. Не существовало для подобных случаев и специального врача. Душевнобольной считался в глазах египетского общества человеком, заслуживающим сожаления, сродни слепому или карлику. Для психических болезней невозможно было найти естественную причину, оставалось считать, что произошло вмешательство богов или демонов. Поэтому душевнобольного обозначали как «человека в руке бога». Сама эта характеристика показывает, что здесь требуются не медицинские тексты, а религия с ее возможностями молитвы или магия с ее заклинаниями. В медицинских текстах встречаются необъяснимые явления, в которых речь идет о том, что «нечто вступило извне». При этом слово «извне» обозначает области за пределами нашего ощущаемого мира. По мнению египтян, сердце является вместилищем рассудка и настроения, поэтому поведение человека является следствием поведения сердца. Некоторые болезни имеют собственные имена, например «погружение», в котором предполагают эпилепсию. Вне медицинских текстов описываются случаи старческого безумия, припадки душевного расстройства и приступы потери сознания. Египетской литературе известны также пограничные случаи болезненной ностальгии, ревности и любовного страдания.

Понятия психической нормы и ненормальности впервые появляются в Античности. Безумие становится не бонусом и не отличительным знаком проводника между ми-

рами, а карой, посланной богами, или просто результатом слепой неотвратимости рока. В древнегреческой мифологии и в произведениях античных драматургов полно сюжетов, когда герои совершают в помутнении рассудка разрушительные действия. Причем с ума сходят как простые люди, так и герои и даже боги. Но чаще боги провоцируют людское сумасшествие из чувства мести или из пристрастия к интригам. Несомненный лидер в области лишения смертных разума — богиня Гера. По ее приказу богиня Ата набрасывает повязку безумия на глаза Гераклу и он убивает собственных детей. По ее же злой воле Афамант путает своего сына с оленем и охотится на него.

Безумие в античных текстах, как правило, приводит к трагическим последствиям. Характерен пример героя Аякса: помутившись рассудком (опять же по замыслу богини, на этот раз — Афины), он принимает овец Одиссея за своих обидчиков. Обезумевший герой подвергает животных смерти и жестоким мучениям, а потом приходит в себя и совершает самоубийство, будучи не в силах принять случившееся.

С расцветом философии в Греции тема безумия начала занимать мыслителей. Античные философы пытались найти причины психических отклонений и дать этому явлению теоретическое обоснование. В поисках истины их пути разделились. Стоики считали душевные болезни результатом отклонения от божественного Логоса, к которому тянется разум. А если так, то интеллектуальная лень и потакание страстям провоцируют сумасшествие. Душевнобольные в их понимании становились невеждами, к тому же не желающими обуздывать свои страсти. Стоикам казалось, что если человек однажды смог познать разумный порядок, то это знание остается с ним на всю жизнь. Стоит отметить, что стоицизм, учивший ответственности, порядку и нравственности, был очень популярен в Греции. И, конечно, отношение философов этой школы к психическим отклонениям большинство греков разделяли.

Но в Древней Греции существовало и другое мнение, выраженное фигурой слишком крупной, чтобы его не учитывать. Речь идет о Платоне. Интересно, что психические функции Платон помещает в голову, но делает это не по научным, а по чисто метафизическим соображениям: шар, говорит он, — наиболее совершенная из всех геометрических фигур, и поэтому ясно, почему боги, «подражая форме вселенной, которая кругла, заключили два божественных

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru